

О «ЧАЙКЕ» Г. ЧЕХОВА.

«Чайка» г. Чехова вызвала в столичных газетах отзывы, которые нельзя назвать совсем благоприятными.

Критик «Нов. Времени» говорит, между прочим, следующее:

«Я вовсе не хочу сказать, что в неуспех виноваты одни актеры: есть вина и автора, но вина, нависшая больше всего от сценической неопытности, ибо на мой взгляд, у него не только прекрасный бесстрастный талант, но и драматический бесстрастный талант. Нависла такая оригинальная, такую правдивую вещь, как «Чайка», раскаты в ней столько заблуждений, столько горькой жизненной правды, может только истинный драматический талант».

Критик «Новостей» нашел в новом произведении *«большинство раздурное безделье творчества»*. По утверждению критика, пьеса производит впечатление какой-то *«творческой безпомощности, литературной бездельности раздурья в воле»*.

«Вы чувствуете и сознаете, что автор что-то хочет — что, именно, он сам не знает — но решительно не может совершить. И все эти усилия, все это напряжение маленького-маленького творчества кажутся жалкими до бездельности; от всех неудач, неестественности, выдуманности драмы встает чья-то, несомненно, болезненная. Со всех точек зрения — идейной, литературной и сценической — пьеса г. Чехова даже не плохо, не неудачна, а совершенно не годна, вымучена и зачастую дает такие результаты, которых, быть может, вовсе и не имел в виду автор».

Критик «Сиб. Вестник», рекомендуя читателям искренним поклонником г. Чехова, говорит, что друзья писателя должны были отговорить его от постановки неудачной пьесы:

«Мне очень жаль, что пьеса оказалась плохой».

Но еще более удручает меня то, что на всем этом произведении лежит трагический отпечаток безпомощности и отчаяния от адского взгляда на жизнь и на искусство, отчаяния от бессилия. Противно читать это противное слово».

Тот же критик справедливо находит утешение в том, что «судя со всеми случившимися может», и видит в пьесе г. Чехова просто плод печальной ошибки, от которой никто не застрахован».

В «Виржевых Вестниках», редактируемых г. Яковлевым, критик г. Я. находил, что неудача должна послужить г. Чехову на пользу, и говорит о пьесе так:

«Отдельные штрихи, даже некоторые лица — все это так живо, ярко и в тоже время в общем это так сумбурно и дико. Это не чайка, а просто дичь. Замысел великий, а результат ничтожный».

На спектакль, по утверждению г. Я., все было сконфужено: с какого момента начался этот конфуз, говорит г. Я., определить в точности нельзя, лица горели от стыда.

Оказывается, что на большинство дам пьеса г. Чехова произвела совершенно обратное впечатление, чем на нас. Мы получили несколько писем, одно из которых, принадлежавшее перу неизвестной писательницы Л. А.—вой, мы публикуем.

«Я была в Александринском театре на бенефисе г-жи Левкиной и видела пьесу Авт. Чехова «Чайка».

Говорят, что «Чайка» не пьеса. В таком случае посмотрите на сцене «не пьесу»! Пьеса так много. Мы все любим пьесы, настоящие... Поднимается занавес и

сначала ничего, все хорошо, все благополучно и только чуть брезжится какое-то зарождающееся страдание. Чуть-чуть! Во втором действии страдание разрастается, охватывает героев все сильнее и сильнее. В третьем... Налейте в бокалы шампанского, сперва немного, на допашку: со дня побегут иглы, занесутся, заиграют: наливайте больше, и вино начнет пливаться и поплывет через край. Будет немного вина, но очень, очень много пива. Это так красиво, когда вино пливается и брызжеть!

И не знаю, как сказать Чехову: его вино не пливало и не брызжало через край. Пришли на сцену люди, и так как эти люди уже давно жили до бенефиса г-жи Левкиной и будут жить после бенефиса, то пришли они со всеми радостями и страданиями, которая дала им жизнь, и стали жить перед публикой. Пришел Тригорин, известный талантливый бездельник, а так как он действительно талантлив, то он и сумел в нескольких словах открыть перед всеми свою душу. Но искренняя исповедь очень большой, очень страдающей души не возбуждала участия. Мы все видели, как эта чуткая, тонкая, но слабая душа умирала медленной смертью только оттого, что не было силы бороться с пошлостью, которая сатанивала ее, как тина. Публика любить силу, любить, чтобы перед ней боролась. Тригорин мало боролся: он не плакал и не бил себя кулаком в грудь. Вы спросите: почему же он этого не делал? Я не знаю почему. Я думаю, что он забыл о том, что на один этот вечер перенесся на подмостки. Он просто жил, жил как жила вся кругом, не заботясь о том, что на них смотреть гг. рецензенты.

Жаль, тосковал и под конец лишил себя жизни Константин Треплев. Жалко, что он застрелился именно в этот вечер, в бенефис г-жи Левкиной, потому что это обезболяло публику. Публика была равнодушна к Треплеву, потому что когда он тосковал, он уходил играть на рояль. Я знаю, что многие из тех, кто живет не на сцене, делают именно так: они уходят в себя, когда тоскуют, но о них тоже забывают и в жалости. Не думается в душевное состояние человека, а вбрызг надо любить его, чтобы не забывать о нем и не поставить ему в упрек то беспокойство, которое он доставляет близкому своим личными страданиями. Душевное состояние Треплева ужасно: Тригорин отнял у него невесту, отнял мать. Он любит, неважно, дрожит как струна, и наконец эта струна не выдерживает, и жизнь прерывается насильно.

Трогнул ли зритель? Но Треплев не достаточно пил свой бокал.

Кое кто пожалел Чайку. Она пришла

вся бледная, тоненькая и принесла откры-
 тое сердечко, въ которомъ еще не было ни-
 чего. Она прилетѣла въ чудный солнечный
 день и съ такой вѣрой и пылкостью моло-
 досты отдала Тригорину медальонъ вмѣстѣ
 съ своимъ сердцемъ и жизнью, которая, ка-
 залось ей, уже не имѣла смысла безъ него.
 И онъ все взялъ. Любилъ-ли онъ свою Чай-
 ку? Любилъ, можетъ быть. Но бывшая Чай-
 ка внесла съ собой безпокойство и новое
 страданіе, и тогда онъ выгналъ ее изъ
 своей жизни. Онъ выгналъ ее въ темную
 осеннюю ночь, слабую, изстрадавшуюся, по-
 лубезумную, и она вылетѣла на свое родное
 озеро и пропала въ темнотѣ ночи съ кри-
 комъ любви и отчаянія. Отчего она не уто-
 пилась? отчего она не кричала и не билась
 въ истерикѣ?
 Публика полюбила-бы ее, пожалѣла-бы
 объ ней и похлопала-бы автору. Но авторъ
 являлъ, что онъ не выдумалъ образа своей
 Чайки, и онъ не посмѣлъ заставить ее кри-
 чать и топиться, какъ топятся и кричатъ
 всѣ героини. Чайка жива, и когда я думаю
 о ней, я увѣрена, что она успокоилась, обра-
 вилась, что ослабѣвшія крылья ея опять
 окрѣпли. Быть можетъ, она уже не любитъ
 Тригорина, но если она встрѣтится съ нимъ
 еще, она покажетъ его и не осудитъ.
 Посмотрите, господа, на сценѣ «не пьесу»!
 Можетъ быть, если мы научимся слушать и
 понимать людей, настоящихъ людей, которые
 одинъ вечеръ будутъ жить для насъ своей
 настоящей жизнью на подмосткахъ театра,
 если мы научимся слушать и понимать, мы
 научимся также любить и прощать. Можетъ
 быть послѣ такихъ «не пьесъ» мы и во-
 крутъ себя увидимъ то, чего не видали рань-
 ше, услышимъ то, чего не слышали.
 А настоящихъ пьесъ будетъ еще много,
 очень много.

Л. А.—ва.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ЯХО.

< Л. А. Авилова >

не след.
 (Тригоринъ). Ср. ред. вступленія
 к пьесѣ.